

РОМАН ЛЕЙБОВ

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ

ЕЛЕНА СТУПАКОВА

ПОСЛУДИ!

ПРОСТИ

СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

ПОЭМА ТИМУРА КИБИРОВА

«СКВОЗЬ ПРОЩАЛЬНЫЕ СЛЕЗЫ»:

ОПЫТ ЧТЕНИЯ

Олег Лекманов

**«Господь! Прости Советскому
Союзу!» Поэма Тимура
Кибирова «Сквозь прощальные
слезы»: Опыт чтения**

«ВЕБКНИГА»

2023

Лекманов О. А.

«Господь! Прости Советскому Союзу!» Поэма Тимура Кибирова
«Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения / О. А. Лекманов —
«ВЕБКНИГА», 2023

ISBN 978-5-94-282866-0

Опыт построчного комментария и углубленного разбора эпической поэмы Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы» (1987), сделанный современными филологами (Романом Лейбовым, доцентом по русской литературе отделения славянской филологии Тартуского университета, Олегом Лекмановым, профессором гуманитарного факультета НИУ ВШЭ, и Еленой Ступаковой, магистрантом гуманитарного факультета НИУ ВШЭ) и сопровождающийся иллюстративным рядом.

ISBN 978-5-94-282866-0

© Лекманов О. А., 2023

© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Тимур Кибиров. Сквозь прощальные слезы{1} (Поэма)	5
Вступление{4}	5
Глава I{72}	8
Глава II{115}	12
Глава III{153}	16
Глава IV{165}	18
Лирическая интермедия{224}	23
Глава V{253}	26
Эпилог{295}	30
Тимур Кибиров. Из цикла «Ой, рябина, рябинушка»	32
Роман Лейбов, Олег Лекманов, Елена Ступакова	34
От авторов: О чем и зачем написана эта книга	35
Литература	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман Лейбов

«Господь! Прости Советскому Союзу!»: Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения

Тимур Кибиров. Сквозь прощальные слезы^{1} (Поэма)

*Людмиле Кибировой^{2}
Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.*

..
*А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.*

Анна Ахматова^{3}

Вступление^{4}

Пахнет дело мое керосином^{5},
керосинкой^{6}, сторонкой родной^{7},
пахнет «Шипром», как бритый мужчина^{8},
и как женщина – «Красной Москвой»

(той, на крышечке с кисточкой)^{9}, мылом,
банным мылом^{10} да банным листом^{11},
общепитской подливкой, гарниром^{12},
пахнет булочной там, за углом^{13}.

Чуешь, чуешь, чем пахнет? – Я чую^{14},
чую, Господи, нос не зажму^{15} —
«Беломором», Сучаном, Вилюем^{16},
домом отдыха в синем Крыму!^{17}

Пахнет вываркой, стиркою, синькой^{18},
и на ВДНХ шашлыком^{19},
и глотком пертуссина, и свинкой^{20},
и трофейным австрийским ковром^{21},

свежеглаженным галстуком алым^{22},
звонким штандыром на пустыре^{23},
и вокзалом, и актовым залом^{24},
и сиренью у нас на дворе^{25}.

Чуешь, сволочь, чем пахнет? – Еще бы!
Мне ли, местному, нос воротить?^{26} —
Политурой, промасленной робой^{27},
русским духом^{28}, едрить-колотить!^{29}

Вкусным дымом пистонов^{30}, карбидом^{31},
горем луковым и огурцом^{32},
бигудями буфетчицы Лиды^{33},
русским духом, и страхом, и мхом^{34}.

Заскорузлой подмышкой мундира^{35},
и гостиницей в Йошкар-Оле^{36},
и соляркою, и комбижиром
в феврале на холодной заре^{37},

и антоновкой ближе к Калуге^{38},
и в моздокской степи анашой^{39} —
чуешь, сука, чем пахнет?! – и выюгой,
ой, выюгой, воркутинской пургой!^{40}

Пахнет, Боже, сосновой смолою,
ближним боем да раной гнилой^{41},
колбасой, колбасой, колбасою,
колбасой – все равно колбасой!^{42}

Неподмытым общаговским блюдом^{43}
и бензином в попутке ночной^{44},
пахнет Родиной – чуешь ли? – чудом,
чудом, ладаном, Вестью Благой!^{45}

Хлоркой в пристанционном сортире^{46},
хвоей в предновогоднем метро^{47}.
Постным маслом в соседской квартире
(как живут они там впятером?)

Как ругаются страшно, дерутся...)^{48}
Чуешь? – Русью, дымком, портвешком^{49},

ветеранами трех революций^{50}.
И еще – леденцом-петушком!^{51}

Пахнет танцами в клубе совхозном
(ох, напрасно пришли мы сюда!)^{52},
клеякой клятвой листвы, туберозной
пахнет горечью^{53}, и никогда,

навсегда – канифолью и пухом,
шубой, Шубергом... Ну, задолбал!^{54}
Пиром духа, пацан, пиром духа,
как Некрасов В. Н. написал!^{55}

Пахнет МХАТом и пахнет бытовкой^{56},
люберецким дурным кулаком^{57},
Елисеевским и Третьяковкой^{58},
Русью пахнет, судьбою, говном^{59}.

Черным кофе двойным в ЦДЛе.
– Врешь ты все! – Ну, какао в кафе...^{60}
И урлой, и сырою шинелью
в полночь на гарнизонной губе^{61}.

Хлорпикрином, заманом, заринном^{62},
гуталином на тяжкой кирзе^{63},
и родимой землею, и глиной,
и судьбой^{64}, и пирожным безе^{65}.

Чуешь, чуешь, чем пахнет? – Конечно!
Чую, нюхаю – псиной и сном^{66},
сном мертвецким, похмельем крошечным^{67},
мутноватым грудным молоком!^{68}

Пахнет жареным, пахнет горелым^{69},
аллергеном – греха не таи!
Пахнет дело мое, пахнет тело^{70},
пахнут слезы, Людмила, мои^{71}.

Глава I^{72}

Купим мы кровью счастье детей.

П. Лавров^{73}

Спой же песню мне, Глеб Кржижановский!
Я сквозь слезы тебе подпою^{74},
подскулю тебе волком тамбовским
на краю, на родимом краю!^{75}

На краю, за фабричной заставой
силы черные злобно гнетут.
Спой мне песню, парнишка кудрявый,
нас ведь судьбы безвестные ждут^{76}.

Это есть наш последний, конечно,
и единственный, видимо, бой^{77}.
Цепи сбрасывай, друг мой сердешный^{78},
марш навстречу заре золотой!^{79}

Чтоб конфетки-бараночки каждый
ел от пуза под крышей дворца —
мстью правой, священной жаждой
немудрящие пышут сердца^{80}.

Смерть суровая злобным тиранам,
и жандармам, и лживым попам,
юнкерам, гимназисткам румяным,
толстым дачникам и буржуйам!^{81}

Эх, заря без конца и без края,
без конца и без края мечта!
Объясни же, какая такая
овладела тобой правота?^{82}

Объясни мне, зачем, для чего же,
растирая матросский плевок,
корчит рожи Европе пригожей
сын профессорский, Сашенька Блок?^{83}

Кепку комкает идол татарский,
призывая к порядку Викжель^{84},
рвется Троцкий, трещит Луначарский,
только их не боюсь я уже!^{85}

Я не с ними мирюсь на прощанье.
Их-то я не умею простить.
Но тебя на последнем свиданье
я не в силах ни в чем укорить!^{86}

Пой же, пой, обезумевший Павка^{87},
и латыш, и жидок-комиссар^{88},
ясный сокол, визгливая шавка,
голоштанная, злая комса!^{89}

Пой же, пой о лазоревых зорях^{90},
вшивота, в ледяном Сиваше^{91}.
Пой же, пой, мое горькое горе,
кровь на воротах, рот до ушей!^{92}

Мой мечтатель-хохол окаянный,
помнят псы-атаманы тебя,
помнят гордые польские паны.
Только сам ты не помнишь себя^{93}.

Бледный, дохлый, со взором горящим,
пой, селькор, при лучине своей,^{94}
пой, придуманный, пой, настоящий
глупый дедушка Милы моей!^{95}

Мой буденовец, чоновец юный,
отложи «Капитал» хоть на миг^{96},
погляди же, как жалобно Бунин
на прощанье к сирени приник!^{97}

Погоди, я тебя ненавижу,
не ори, комиссар, замолчи!
Черной молью, летучею мышью
плачет дочь камергера в ночи!

И поет, что поломаны крылья,
жгучей болью всю душу свело,
кокаина серебряной пылью
всю дорогу мою замело!^{98}

Из Кронштадта мы все, из Кронштадта,
на кронштадский мы брошены лед!
Месть суровая всем супостатам,
ни единый из нас не уйдет!^{99}

И отравленным черным патроном
с черной челочкой Фанни Каплан
на заводе, заметь – Михельсона! —
разряжает преступный наган^{100}.

Эй, поручик, подайте патроны,
Оболенский, налейте вина!^{101}
В тайном ларчике ваши погоны
сохранит поэтесса одна^{102}.

Петька Анке показывал щечки,
плыл Чапай по Уралу-реке^{103}.
Это есть наш последним денечек,
блеск зари на холодном штыке!^{104}

И куда же ты, яблочко, катишь?
РВС, ВЧК, РКК.
Час расплаты настал, час расплаты,
так что наша не дрогнет рука!^{105}

И, подвысив звенящие шашки,
рубанем ненавистных врагов,
ты меня – от погона до пряжки,
я тебя – от звезды до зубов^{106}.

Никогда уж не будут рабами
коммунары в сосновых гробах,
в завтра светлое, в ясное пламя
вы умчались на красных конях!^{107}

Хлопцы! Чьи же вы все-таки были?
Кто вас в бой, бестолковых, увлек?
Для чего вы со мною рубились,
отчего я бежал наутек?^{108}

Стул в буржуйке потрескивал венский.
Под цыганский хмельной перебор
пил в Констанце тапер Оболенский,
а в Берлине Голицын-шофер^{109}.

Бились, бились, товарищ, сражались.
Ни бельмеса, мой друг, ни аза.
Так чему ж вы сквозь дым улыбались,
голубые дурные глаза?^{110}

Погоди, дуралей, погоди ты!
Ради Бога, послушай меня!

Вот оно, твое сердце, пробито
возле ног вороного коня^{111}.

Пожелай же мне смерти мгновенной
или раны – хотя б небольшой!
Угорелый мой брат, оглашенный,
я не знаю, что делать с тобой^{112}.

Погоди, я тебя не обижу,
спой мне тихо, а я подпою.
Я сквозь слезы прощальные вижу
невиновную морду твою^{113}.

Погоди, мой товарищ, не надо.
Мы уже расквитались сполна.
Спой мне песню: Гренада, Гренада.
Спойте, мертвые губы: Грена...^{114}

Глава II^{115}

Ты рядом, даль социализма...

Б. Пастернак^{116}

Спойте песню мне, братья Покрассы!
Младшим братом я вам подпою^{117}.
Хлынут слезы неожиданные сразу,
затуманят решимость мою.

И жестокое верное слово
в горле комом застрянет моем.
Толстоногая, спой мне, Орлова,
в синем небе над Красным Кремлем!^{118}

Спой мне, Клим в исполнении Крючкова,
белозубый танкист-тракторист^{119},
спой, приветливый и бестолковый
в брюках гольф иностранный турист!^{120}

Покоряя пространство и время,
альый шелк развернув на ветру,
пой, мое комсомольское племя,
эй, кудрявая, пой поутру!^{121}

Заключенный каналармеец,
спой и ты, перекованный враг!^{122}
Светлый путь все верней и прямее!^{123}
Спойте хором, бедняк и средняк!^{124}

Про счастливых детишек колонны^{125},
про влюбленных в предутренней мгле^{126},
про снующие автофургоны
с аппетитною надписью «Хлеб»^{127}.

Почтальон Харитоша примчится
по проселку на стан полевой.
Номер «Правды» – признались убийцы,
не ушли от расплаты святой!^{128}

И по тундре, железной дороге
мчит курьерский, колеса стучат,
светлый путь нам ложится под ноги,
льется песня задорных девчат!^{129}

На далеком лесном пограничье,
в доме отдыха в синем Крыму
лейся, звонкая песня девичья,
чтобы весело было Ему!^{130}

Так припомним кремлевского горца!
Он нас вырастил верных таких,
что хватило и полразговорца,
шевеления губ чумовых^{131}.

Выходи же, мой друг, заводи же
про этапы большого пути.
Выходи, я тебя не обижу.
Ненавижу тебя. Выходи^{132}.

Ах, серпастый ты мой, молоткастый,
отчего ты свободе не рад,
о которой так часто, так часто
в лагерях до зари говорят?^{133}

Спой мне, ветер, про счастье и волю,
звон подков по брусчатке святой,
про партийный наказ комсомолу
и про маршала первого спой!^{134}

Праздник, праздник в соседнем колхозе!
Старый пасечник хмыкнул в усы,
над арбузом жужжащие осы,
гармонист подбирает басы,

под цветущею яблоней свадьба —
звеньевую берет бригадир!^{135}
Все бы петь тебе, радость, плясать бы
да ходить в ДОСААФовский тир!^{136}

От успехов головокруженье!
Рано, рано трубить нам отбой!
Видишь, Маша, во мраке движенье?
Враг во тьме притаился ночной!^{137}

Там в ночи полыхают обрезы,
там в муку подсыпают стекло,
у границы ярится агрессор,
уклонисты ощерились зло!^{138}

Рыков с Радеком тянут во мраке

к сердцу Родины когти в крови!
За Ванцетти с бедняжкой Сакко
отомсти! Отомсти! Отомсти!^{139}

Вот, гляди-ка ты – два капитана
за столом засиделись в ночи.
И один угрожает наганом,
а второй третьи сутки молчит.

Капитан, капитан, улыбнитесь!
Гражданин капитан! Пощади!
Распишитесь вот тут. Распишитесь!!
Собирайся. Пощады не жди^{140}.

Это дедушка дедушку снова
на расстрел за измену ведет.
Но в мундире, запекшемся кровью,
сам назавтра на нарах гниет^{141}.

Светлый путь поднимается в небо,
и пастух со свиаркой поет,
и чудака-академик нелепо
все теряет, никак не найдет.

Он в пенсне старомодном, с бородкой,
улыбается, тоже поет.
А потом исполняет чечетку
славный артиллерийский расчет^{142}.

Микоян раскрывает страницы
кулинарные – блещет крахмал,
поросенок шипит, золотится,
искрометный потеет бокал!^{143}

Ветчина, да икорка, да пайка,
Да баланда, да злой трудодень...^{144}
Спой мне, мальчик в спартаковской майке,
спой, черемуха, спой мне, сирень!^{145}

Спой мне, ветер, веселый мой ветер,
про красивых и гордых людей,
что поют и смеются, как дети,
на просторах Отчизны своей!^{146}

Спой о том, как под солнцем свободы
расцвели физкультура и спорт,
как внимают Равелю народы,

и как шли мы по трапу на борт^{147}.

Кто привык за победу бороться,
мою пайку отнимет и жрет.
Доходяга, конечно, загнется,
но и тот, кто покрепче, дойдет^{148}.

Эх ты, волюшка, горькая водка,
под бушлатиком белая вошь,
эх, дешевая фотка-красотка,
знаю, падла, меня ты не ждешь^{149}.

Да и писем моих не читаешь!
И встречать ты меня не придешь!
Ну а если придешь – не узнаешь,
а узнаешь – сама пропадешь.

Волга, Волга! За что меня взяли?
Ведь не волк я по крови своей!
На великом, на славном канале
спой мне, ветер, про гордых людей!^{150}

Но все суше становится порох,
и никто никуда не уйдет^{151}.
И акын в прикаспийских просторах
о батыре Ежове поет^{152}.

Глава III^{153}

*Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил.*

М. Исаковский^{154}

Спой же песню мне, Клава Шульженко,
над притихшею темной Москвой,
над сожженной врагом деревенькой,
над наградой и раной сквозной!^{155}

Спой, мой дядя семнадцатилетний,
в черной раме на белой стене...
Беззаветный герой, безответный,
как с тобой-то разделаться мне?^{156}

Не умею я петь про такое,
не умею, комдив, хоть убей!
Целовать бы мне знамя родное
у священной могилы твоей^{157}.

Не считайте меня коммунистом!!
И фашистом прошу не считать!^{158}
Эх, танкисты мои, гармонисты.
Спойте, братцы. Я буду молчать^{159}.

Пой, гармоника, пой, дорогая.
Я молчу. Только пули свистят^{160}.
Кровь родная, я все понимаю.
Сталинград, Сталинград, Сталинград.

Сталинград ведь!! Так что же мне делать?^{161}
Плакать плачу, а петь не могу...
В маскхалате своем красно-белом
пой, пацан, на горячем снегу^{162}.

Сын полка, за кого же ты дрался?
Ну ответь, ну скажи – за кого?
С конармейскою шашкой бросался
за кого ты на «Тигр» броневой?^{163}

Впрочем, хватит! Ну хватит! Не надо,
ну нельзя мне об этом, земляк!..
Ты стоишь у обугленной хаты,
еле держишься на костылях.

Чарка горькая. Старый осколок.
Сталинград ведь, пойми – Сталинград!
Ты прости – мне нельзя про такое,
про такое мне лучше молчать ^{164}.

Глава IV^{165}

Нет Ленина – вот это очень тяжело!

Е. Евтушенко^{166}

Спой мне, Бабаджанян беззаботный!
Сбавай твист мне, веселый Арно!
Подавившись слезой безотчетной,
расплывусь я улыбкой дурной^{167}.

Спой же песню мне – рулатэ-рула!
Ох уж, рула ты, рула моя!^{168}
До свиданья, родной переулок!
Нас таежные манят края!^{169}

Все уже позади, мой ровесник,
страшный Сталин и Гитлер-подлец.
Заводи молодежную песню
про огонь комсомольских сердец!^{170}

Потому что народ мы бродячий,
и нельзя нам иначе, друзья^{171},
молодую любовью горячей
мы согреем родные края.

Э-ге-ге, эге-гей, хали-гали!^{172}
Шик-модерн^{173}, Ив Монтан, хула-хуп!^{174}
Вновь открылись лазурные дали
за стеной коммунальных халуп^{175}.

Летка-енка ты мой, Евтушенко!
Лонжюмо ты мое, Лонжюмо!
Уберите же Ленина с денег^{176},
и слонят уберите с трюмо!^{177}

Шик-модерн, треугольная груша,
треугольные стулья и стол!^{178}
Радиолу веселую слушай,
буги-вуги, футбол, комсомол!^{179}

Барахолка моя, телогрейка,
коммуналка в слезах и соплях.
Терешкова, и Белка и Стрелка
надо мною поют в небесах!^{180}

Кукуруза-чудесница пляшет,
королева совхозных полей^{181},
и Пикассо нам радостно машет
прихотливую кистью своей^{182}.

«Ленин» атомоход пролагает
верный путь через льды и метель^{183}.
Только Родина слышит и знает,
чей там сын в облаках пролетел^{184}.

Телевизор в соседской квартире,
КВН, «Голубой огонек»^{185}.
Спойте, спойте мне, физик и лирик,
про романтику дальних дорог!^{186}

С рюкзаком за спиной молодойю
мы геологи оба с тобой.
Все мещане стремятся к покою,
только нам по душе непокой!^{187}

Опускайся в глубины морские!
Поднимайся в небесную высь!
Где б мы ни были – с нами Россия!
Очень вовремя мы родились^{188}.

Так что – беса мэ, беса мэ, муча!
Так крутись, веселись, хула-хуп!
Все светлее, товарищ, все лучше
льется песня из девичьих губ!^{189}

И в кафе молодежном веселье —
комсомольская свадьба идет!
Нас, любимая, ждет новоселье^{190},
Ангара величавая ждет^{191}.

Юность на мотороллере мчится
со «Спидолой» в спортивных руках!^{192}
Плащ болонья шумит, пузырится,
луч играет на темных очках^{193}.

Парни, парни! Не в наших ли силах
эту землю от НАТО сберечь?
Поклянемся ж у братской могилы
Щит хранить на петличках и меч!^{194}

Дядю Сэма с ужасною бомбой
нарисуй мне, малыш, на листке,
реваншиста, Батисту и Чомбе!
«Миру – мир» подпиши в уголке!..^{195}

Добровольцы мои, комсомольцы!
Беспокойные ваши сердца
то Сатурновы меряют кольца,
то скрипят португеей отца^{196},
то глядят вернисаж неизвестных,
в жарких спорах встречая рассвет...
Вслед гляжу я вам, добрым и честным.
Ничего-то в вас, мальчишки, нет^{197}.

Ах, культ личности этой грузинской!
Много все же вреда он принес!
Но под светлый напев Кристалинской
сладко дремлет кубанский колхоз^{198}.

Гнусных идолов сталинских скинем,
кровь и прах с наших ног отряхнем.
Только о комсомольской богине
спой мне – ах, это, брат, о другом^{199}.

Все равно мы умрем на гражданской —
трынь да брынь – на гражданской умрем,
на венгерской, на пражской, душманской...
До свиданья, родимый райком!^{200}

Над Калугой, Рязанью, Казанью,
по-над баней – сиянье знамен!^{201}
Бабушка, отложи ты вязанье,
научи танцевать чарльстон!^{202}

Че-че-че, ча-ча-ча, Че Гевара!
Вновь гитара поет и поет!
Вновь гитара, и вновь Че Гевара!^{203}
ЛЭП-500 над тайгою встает^{204}.

И встречает посланцев столица,
зажигается Вечный огонь^{205}.
Ваня Бровкин, и Перепелица,
и Зиганшин поют под гармонь^{206}.

Накупивши нарядных матрешек,

спой, Поль Робсон, про русскую мать^{207}
Уберите же Ленина с трешек!^{208} —
Больше нечего нам пожелать!

И до счастья осталось немного —
лишь догнать, перегнать как-нибудь^{209}.
Ну, давай, потихонечку трогай.
Только песню в пути не забудь^{210}.

Ах ты, беса мэ, ах, Че Гевара!
Каблучки по асфальту стучат.
И опять во дворе нашем старом
нам пластинка поет про девчат^{211}.

Над бульваром хрущевское лето.
Караул у могильной плиты^{212}.
И на шпилечках, с рыжей бабеттой,
королева идет красоты^{213}.

Заводите торшеры и столик,
шик-модерн, целлофан, поролон.
Уберите вы Ленина только
с денег – он для сердец и знамен!^{214}

Ах, орлиного племени дети,
все мечтать бы вам, все бы мечтать,
все бы верить, любить беззаветно,
брюки узкие рвать и метать^{215}.

Спой же песню, стилижка дурная,
в брючках-дудочках, с конским хвостом,
ты в душе-то ведь точно такая.
Спой мне – ах, это, брат, о другом!^{216}

Пой же солнцу и ветру навстречу.
Выходи, боевой стройотряд!
Вдоль по улочке нашей Заречной
улетает восторженный взгляд^{217}.

Что ты смотришь, и что ты там видишь?
Что ты ждешь? – не пойму я никак.
Очень Сталина ты ненавидишь,
очень Ленина любишь, дурак^{218}.

Каблучки в переулке знакомом
все стучат по асфальту в тиши.
Люди Флинта с путевкой обкома

что-то строят в таежной глуши^{219}.

Вьется переходящее знамя —
семилетке салют боевой.
И гляжу я вам вслед со слезами —
ничего-то в вас нет, ничего!^{220}

Трынть да брынть – вот и вся ваша смелость!
На капустник меня не зови!
Но опять во дворе – что ж тут делать —
мне пластинка поет о любви!^{221}

И, навстречу заре уплывая
по далекой реке Ангаре,
льется песня от края до края!
И пластинка поет во дворе!^{222}

И покамест ходить я умею,
и пока я умею дышать,
чуть прислушаюсь – и немею!
Каблучки по асфальту стучат!^{223}

Лирическая интермедия^{224}

Смотрят замки, горы, доли
в глубь хрустальных рейнских вод^{225}.
Моцарт, Моцарт, друг веселый,
под руку меня берет^{226}.

Час вечерний, луч прощальный
бьют на ратуше часы.
Облака над лесом дальним
удивительной красы^{227}.

Легкий дым над черепицей,
липы старые в цвету^{228}.
Ах, мой друг, пора проститься!
Моцарт! Скоро я уйду!^{229}

Моцарт! Скоро я уеду
за кибиткой кочевой.
У маркграфа на обеде
я не буду, дорогой^{230}.

Передай поклон Миньоне.
Альманах оставь себе.
Друг любезный! Я на зоне
буду помнить о тебе^{231}.

Знаешь край? Не знаешь края,
где уж знать тебе его!
Там, над кровлей завывая,
бьются бесы – кто кого!^{232}

Там такого мозельвейна
поднесут тебе, дружок,
что скопытишься мгновенно
со своих прыгучих ног^{233}.

Там и холодно и страшно!
Там прекрасно! Там беда!
Друг мой, брат мой, ночью ясной
там горит моя звезда^{234}.

Знаешь край? Я сам не знаю,
что за край такой чудной,
но туда, туда, туда я

должен следовать, родной^{235}.

Кто куда – а я в Россию,
я на родину щегла.
Иней белый, ситец синий^{236}.
Моцарт, Моцарт! Мне пора.

Кто о чем, а я о бане,
о кровавой бане я...
До свиданья, до свиданья!
Моцарт! Не забудь меня!^{237}

Я иду во имя жизни
на земле и в небесах,
в нашей радостной Отчизне,
в наших радужных лучах!^{238}

Ждет меня моя сторонка,
край невыносимый мой!
Моцарт рассмеялся звонко^{239}.
«Что ж, и я не прочь с тобой!»

Моцарт, друг ты мой сердечный,
таракан запечный мой!
Что ты гонишь, дух беспечный,
сын гармонии святой!^{240}

Ну куда тебя такого?
Слишком глуп ты, слишком юн.
Что для русского здорово,
то для немца карачун!^{241}

Нет уж! Надо расставаться!
Полно, херц, майн херц, уймись!
Больше нечего бояться.
Будет смерть и будет жизнь^{242}.

Будет, будет звук тончайший
по-над бездною лететь,
и во мраке глубочайшем
луч легчайший будет петь!^{243}

Так прощай же! За горою
ворон каркает ночной.
Моцарт, Моцарт, Бог с тобою!
Бог с тобою и со мной!^{244}

Моцарт слушал со вниманьем.
Опечалился слегка.
«Что ж, прощай. Но на прощанье
на, возьми бурундука!»^{245}

В час печали, в час отчаянья
он тебя утешит, друг,
мой пушистый, золотистый,
мой волшебный бурундук!^{246}

Вот он, зверик мой послушный:
глазки умные блестят,
щиплют струны лапки шустры
и по клавишам стучат!»^{247}

Ай, спасибо, Моцарт, милый,
ах, прекрасный бурундук!
До свиданья! До могилы
я с тобой, любезный друг!^{248}

И иду, иду в Россию,
оглянулся – он стоит.
Сквозь пространства роковые
Моцарт мне вослед глядит^{249}.

Машет, машет треуголкой,
в золотом луче горя,
и ему со Вшивой Горки
помахал ушанкой я^{250}.

Гадом буду – не забуду
нашей дружбы, корешок,
ведь всегда, везде со мною
твой смешной бурундучок^{251}.

И под ватничком пригревшись.
лапки шустрые сложив,
он поет, и я шагаю
под волшебный тот мотив^{252}.

Глава V^{253}

Час мужества пробил на наших часах...

Анна Ахматова^{254}

Что ж, давай, мой Шаинский веселый.
Впрочем, ну тебя на фиг! Молчи!^{255}
Все закончено. В частности, школа.
Шейк на танцах платформой стучит^{256}.

БАМ, БАМ, БАМ! Слышишь, время запело?^{257}
БАМ да БАМ, ОСВ, миру – мир!^{258}
Развитой мой, реальный и зрелый^{259},
БАМ мой, БАМ, Коопторг да ОВИР^{260}.

Ах, мой хаер, заветный мой хаер,
как тебя деканат обкарнал!^{261}
Юность бедная, бикса плохая.
Суперрайфл, суперстар, «Солнцедар»^{262}.

– Что там слышно? – Меняют кого-то
на Альенде. – Да он ведь убит?!
– Значит, на Пиночета! – Да что ты!!
Пиночет-то ведь главный бандит!!^{263}

Пиночет. Голубые гитары.
Озирая родную дыру,
я стою, избежав семинара,
у пивного ларька поутру^{264}.

Ах, Лефортово, золотце, осень...^{265}
Той же ночью в вагоне пустом
зуб мне вышибет дембель-матросик, —
впрочем, надо сказать, поделом^{266}.

А потом, а потом XXV
съезд прочмокал и XXVI,
и покинули хаты ребята,
чтобы землю в Афгане... Пстой!^{267}

Хватит! Что ты, ей-богу. Не надо.
Спой мне что-нибудь. – Нечего спеть.
Все ведь кончено. Радость-отрада,
нам уже ничего не успеть!^{268}

Все ведь кончено. Так и запишем —
не сбылась вековая мечта^{269}.
Тише, тише! Пожалуйста, тише!
Не кричи, ветеран-простота^{270}.

Город Солнца и Солнечный Город,
где Незнайка на кнопки жал, —
все закончено. В Солнечногорске
строят баню и автовокзал^{271}.

В парке солнечногорском на танцах
твой мотив не канает, земляк!^{272}
А в кино юморят итальянцы,
а в душе – мутота и бардак^{273}.

Все ведь кончено. Зла не хватает.
Зря мы только смешили людей^{274}.
И «Союз – Аполлон» проплывает
над черпацкой пилоткой моей^{275}.

Мама Сталина просит не трогать,
бедный папа рукою махнул.
Дорогие мои! Ради Бога!
Ненарошно я вас обманул!^{276}

Все ведь кончено. Выкрась да выбрось.
Перестрой, разотри и забудь!
Изо всех своих славных калибров
дай, Коммуна, прощальный салют!^{277}

Змий зеленый пяту твою гложет,
оплетает твой бюст дорогой^{278} —
это есть наш последний, ну, может,
предпоследний решительный бой^{279}.

Рейганомика блещет улыбкой,
аж мурашки бегут по спине.
Ах, минтай, моя добрая рыбка!
Что тобою закусывать мне?^{280}

И могучим кентавром взъярился
(это Пригов накликал беду!),
Рональд Рейган на нас навалился!
Спой мне что-нибудь, хау ду ю ду!^{281}

Рональд Рейган – весны он цветенье!
Рональд Рейган – победы он клич!
Ты уже потерпел поражение,
мой Черненко Владимир Ильич!^{282}

Значит, сны Веры Палны – не в руку,
Павка с Павликом гибли зазря,
зря Мичурин продвинул науку,
зря над нами пылала заря!^{283}

И кремлевский мечтатель напрасно
вешал на уши злую лапшу
ходакам и английским фантастам,
и напрасно я это пишу!^{284}

И другого пути у нас нету!
Паровоз наш в тупик прилетел,
на запасном пути беспросветном
бронепоезд напрасно ревел!

Остановки в коммуне не будет!
Поезд дальше вообще не пойдет!
Выходите, дурацкие люди,
возвращайтесь, родные, вперед^{285}.

Все ведь кончено. Хлеб с маргарином.
Призрак бродит по Африке лишь.
В два часа подойди к магазину,
погляди и подумай, малыш^{286}.

Как-то грустно, и как-то ужасно.
Что-то будет у нас впереди?
Все напрасно. Все очень опасно.
Погоди, тракторист, погоди!..^{287}

Мне б злорадствовать, мне б издеваться
над районной культуры дворцом,
над рекламой цветной облигаций,
над линиялым твоим кумачом^{288},

над туристами из Усть-Илима
в Будапеште у ярких витрин,
над словами отца Питирима,
что народ наш советский един^{289},

над твоей госприемкою сраной,
над гостиницей в Йошкар-Оле,

над растерянным, злым ветераном
перед парочкой навеселе^{290},

над вестями о зернобобовых,
над речами на съезде СП,
над твоей сединой бестолковой,
над своею любовью к тебе^{291},

над дебильной мощью Госснаба
хохотать бы мне что было сил —
да некрасовский скорбный анапест
носоглотку слезами забил^{292}.

Все ведь кончено. Значит – сначала.
Все сначала – Ермак да кабак,
чудь да мера, да мало-помалу
петербургский голштинский табак^{293}.

Чудь да мера. Фома да Емеля.
Переселок. Пустырь. Буерак.
Все ведь кончено. Нечего делать.
Руку в реку. А за руку – рак^{294}.

Эпилог {295}

Господь, благослови мою Россию,
спаси и сохрани мою Россию,
в особенности – Милу и Шапиро.
И прочую спаси, Господь, Россию.

Дениску, и Олежку, и Бориску,
Сережку и уролога Лариску,
всех Лен, и Айзенбергов с Рубинштейнами,
и злую продавщицу бакалейную,

и пьяницу с пятном у левой вытачки,
и Пригова с Сухотиным, и Витечку,
и Каменцевых с Башлачевым Сашечкой,
и инженера Кислякова Сашечку,

А. И., А. Ю., А. А. и прочих Кобзевых,
и бригадира рыжего колхозного,
Сопровского, Гандлевского, и Бржевского,
и Фильку, и Сережку Чепилевского.

Благослови же, Господи, Россию!
В особенности Милу и Шапиро,
Шапиро и Кибирову Людмилу!

И Семушку с Варварой, и Семеныча,
Натаныча, Чачко и Файбисовича,
С. Хренова, Булатова, Васильева,
и Хуркина, и Гуголева сильного,
сестренку, папу, маму, и покойников,

и бабушку, и Алика с Набоковым,
и Пушкина, и Н. и В. Некрасовых,
и рядового Масича атасного,
Малкову, и Борисову прелестную,

и ту, уже не помню, неизвестную,
спаси, Иисус, микрорайон Беляево!
Ну а Черненко как же? – Да не знаю я!
Ну и Черненко, если образумится!

Спаси, Иисусе, Родину неумную!
И умную спаси, Иисусе, Родину!
Березки, и осины, и смородину!

Благослови же, Господи, Россию,

в особенности Милу и Шапиро,
Шапиро Мишу и Шапиро Иру!

Олежку, и Сережку, и так далее!
И Жанку, и Анжелку, и так далее!

Сазонова сержанта, и так далее!
И Чуню, и Дениску, и так далее!
В особенности – Англию с Италией,
Америку и Юлю с Вероникою!

Спаси, Иисусе, Родину великую!
Спаси, Господь, неловкую Россию,
и Подлипчук, и Милу, и Шапиро,
и ветерана в стареньком мундире!

Спаси, Господь, несчастного Черненко!
Прости, Господь, опасного Черненко!
Мудацкого, уродского Черненко!
Ведь мы еще глупы и молоденьки,
и мы еще исправимся, Иисусе!

Господь! Прости Советскому Союзу!

Конец^[296]
1987

Тимур Кибиров. Из цикла «Ой, рябина, рябинушка»

Спой мне песню, про все что угодно,
лебединую песню, кумач!
Вижу я сквозь прощальные слезы
ГУМ и МХАТ, и Турксиб, и КамАЗ.

Вижу я – от Москвы до окраин
светлый путь, светлый план ГОЭЛРО,
вижу первенцев я пятилеток
и настенную роспись метро,

вижу, как под футболкой трепещет
комсомолки упругая грудь,
как веселый монтажник-высотник
в облаках завершает свой труд,

и раскосых ребят-хлопководов
у фонтана на ВДНХ,
слышу слаженный рокот моторов
и рассветную песнь пастуха.

Сварщик с поднятой маскою! Брат мой!
Как хорош ты и как белозуб!
Вьется солнцу и ветру навстречу
непокорный мальчишеский чуб!

Светлый путь, мой ровесник, товарищ,
звон бокалов на свадьбе твоей,
и седого путиловца тосты,
и картавая песня детей!

Светлый путь, светлый мальчик из гипса,
мальчик Ленин... Давай помолчим.
И присядем, дружок, на дорожку,
закурив мой «Дымок», погрустим.

Растяни же гармонь на прощанье,
Авель-Каин, родимый мой брат.
До свиданья, ты умер не дрогнув,
Отстоявши родной Сталинград!

Волга-Волга, Любовью Орловой
ты не так наполняешь сердца,
как великой любовью народной
окровавилась Русь до конца!

Мать Отчизна! Я сам подыхаю,
так что, что уж тут мне говорить.
И ума приложить не умею,
как тебя мне не петь, не любить.

Ах ты, глупая, бедная, злая,
потом с водкой пропахшая мать.
Мама родная, что же ты, мама?
Что ж ты пялишься в душу опять?

Эх, кудрявая, что ж ты не рада?
Что ты воешь, дурында моя?
За мученья, за гибель – я знаю,
все равно – принимаю тебя!

И не нужен мне берег турецкий,
и чужая жратва не нужна.
Ничего мне не надо, маманя!
Поднеси мне хмельного вина.

Я гляжу сквозь прощальные слезы,
хоть неведом назначенный срок.
Дай укутать тебя напоследок
в оренбургский пуховый платок.

**Роман Лейбов, Олег Лекманов, Елена Ступакова
«Господь! Прости Советскому Союзу!»**

Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения

От авторов: О чем и зачем написана эта книга

Поэма «Сквозь прощальные слезы», комментарий к которой будет представлен далее, датирована 1987 годом¹. К этому времени ее автор Тимур Юрьевич Кибиров (род. в 1955 г.) не напечатал в Советском Союзе ни одного поэтического текста, хотя писать он, по собственному признанию, начал «с 13–14 лет»², а настоящие стихи («те стихи, за которые и сейчас мне не стыдно») – «где-то с <19>83—<19>84 года»⁴. Зарубежных публикаций у Кибирова тоже еще не было (на Западе они появились «тогда, когда за это уже ничего не делали») – а самиздатовские исчислялись одной, но, правда, большой подборкой в машинописном сборнике «Задуманная беседа» (1986), в котором, кроме стихов Кибирова, были помещены произведения Дмитрия Александровича Пригова, Михаила Айзенберга, Михаила Сухотина и Льва Рубинштейна – поэтов из тогдашнего ближайшего кибировского круга (все четверо упомянуты в «Эпilogue» к поэме «Сквозь прощальные слезы»).

Тем не менее у Кибирова к 1987 году не только уже сформировалась собственная поэтическая манера, но и сложилось ясное понимание своих главных поэтических задач. Десятилетия спустя он сформулировал их следующим образом:

<Т>е как бы ностальгические стихи, которые я писал во второй половине 1980-х, в частности «Сквозь прощальные слезы», были продиктованы полемикой с общей интеллигентской брезгливостью к советской жизни и к советской культуре. Я уверен, что можно было испытывать ко всему советскому гнев, ненависть – да все что угодно, только не брезгливость и не презрение. Это чувства лакейские⁶. На закате советской власти я вдруг для себя обнаружил, что советский мир, такой, какой он есть на самом деле, никем не описан. О нем писали либо апологеты, официальные врунишки и дурачки, либо оппоненты, и все по-своему его искажали. Я совершенно ясно увидел, как исчезает, рушится целый мир, который эстетически никем не осмыслен. Есть у нас пушкинская Россия, есть Петербург Достоевского, есть Советская Россия 1920-х годов, а вот те самые послехрущевские годы – чрезвычайно на самом деле интересные, необычные, ни на что не похожие, – их как будто и не было⁷.

Это рассуждение позволяет сразу же расставить некоторые важные акценты в поэме «Сквозь прощальные слезы». Можно предположить, что ее ядром является пятая глава, в которой описывается «советский мир», каким он стал в «те самые послехрущевские годы»⁸. Однако

¹ См., например: Кибиров 1994: <125>.

² Кибиров 2011.

³ Поэт Тимур Кибиров.

⁴ Поэт Тимур Кибиров.

⁵ Шаповал: 53. В частности, поэма «Сквозь прощальные слезы» была впервые опубликована в 1988 г., в юбилейном сотом номере журнала «Время и мы», выходившего в Нью-Йорке («рукопись пришла по каналам самиздата» и печаталась «без разрешения автора» (Время и мы: 149)). Почти одновременно в СССР была напечатана «Лирическая интермедия» из поэмы (Театральная жизнь. 1988. № 18. Сент.). «Вступление» к поэме и две главы из нее вошли в составленный Л. С. Рубинштейном коллективный альманах «Личное дело №» (М., 1991). Затем «Вступление» было перепечатано в уже и тогда выпускавшейся огромным тиражом газете «Комсомольская правда» (1993. 18 июля). Первая полная книжная публикация запоздало состоялась в рассыпающемся прямо в руках читателя авторском сборнике (Кибиров 1994).

⁶ Ср. с вариацией этих соображений в еще одном интервью поэта: «Мне все время казалось, что» об СССР пишут «не так: или с избыточной ненавистью, или с отстранением – мол, я такой изумруд яхонтовый, а вокруг меня такая кошмарная страна. Здесь необходимо сочетание любви и ненависти» (Шаповал: 58).

⁷ Кибиров 2008а.

⁸ Ср. об особом статусе этой главы у А. С. Немзера: «В поэме „Сквозь прощальные слезы“ Кибиров пропел отходную едва ли не всем „этапам большого пути“, постоянно (единством метра и цитатной техники) не давая читателю забыть: это единый

затем Кибирову, как когда-то Толстому, собиравшемуся писать роман о вернувшихся после каторги и ссылки декабристах, но в итоге отступившему в 1805 год, понадобилось конспективно изложить *всю* историю Советского Союза от 25 октября (7 ноября) 1917 года, чтобы «эстетически осмыслить» свою, постхрущевскую эпоху. Иными словами, поэму «Сквозь прощальные слезы» позволительно будет прочитать и как развернутый ответ на два ключевых для советского общества второй половины 1980-х гг. вопроса. *Как мы дошли до жизни такой? И почему «советский мир», «какой он есть на самом деле», неизбежно должен рухнуть?* «У меня была твердая уверенность в том, что власть уже не та, что все кончается и советский мир, как Атлантида, погружается в бездну. Я хотел его сохранить», – вспоминает автор поэмы⁹.

Конкретным поводом для взгляда на историю Советского Союза «сквозь прощальные слезы» послужило пышно отпразднованное в стране семидесятилетие октябрьского переворота, или, как тогда говорили, – «славного юбилея Великой Октябрьской социалистической революции».

Понятно, что переданное в поэме Кибирова ощущение конца советской эпохи решительно не совпадало с метафорами *продолжения* Октября на новом временном витке, которые доминировали в официальной риторике того времени. В ноябре 1987 года в своей речи на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР по поводу празднования 70-летия Октября генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев аккуратно воспроизвел привычные для граждан советские идеологические штампы:

Юбилей – это и взгляд в будущее. Наши достижения грандиозны, весомы и значимы. Они являются прочным фундаментом, основой для новых свершений, для дальнейшего развития общества. Именно в развитии социализма, продолжении идей и практики ленинизма и Октября мы видим суть наших сегодняшних дел и забот, свою первейшую задачу и нравственную обязанность. А это диктует необходимость серьезного и основательного анализа исторического значения Октября, всего того, что сделано за семь послеоктябрьских десятилетий¹⁰.

Представленный в поэме «Сквозь прощальные слезы» «основательный анализ» «всего того, что сделано за семь послеоктябрьских десятилетий» совершенно не устроил бы тогдашнего Горбачева. Не поверил бы генеральный секретарь и в скорый конец Советского Союза, как, впрочем, и большинство населения страны – нам всем тогда казалось, что до этого еще очень далеко.

В марте 1987 года на экраны СССР вышел фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», снятый еще в 1984 году, но тогда отправившийся «на полку», то есть не получивший, как теперь выражаются, «прокатного удостоверения». Независимо от сегодняшнего отношения к этой ленте с ее необарочным кинематографическим языком и пафосом поиска «дороги к храму», нельзя не признать, что она стала мощнейшим триггером перечитывания советского прошлого. Главной при этом оказывалась этическая составляющая, ощущение личной включенности в сюжет, те эмоции, которые (применительно к индивидуальной, а не к коллективной памяти) лучше и короче всего выразил по-русски, как водится, Пушкин:

И с отвращением читая жизнь мою,

путь, увиденный с одной, исторически фиксированной точки зрения, – из того момента, когда не началось, но обнаружилось „обнажение мослов“» (Немзер 2003: 60). Последняя цитата – из послания Кибирова «Л. С. Рубинштейну»: «Энтропия, уско-ренье, / разложение основ, / не движенье, а гниенье, / обнажение мослов».

⁹ Кибиров 2008а.

¹⁰ Горбачев: 10.

Я трепещу и проклинаяю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Вынесенный в заглавие нашей книги последний стих поэмы Кибирова – ее эмоциональный итог – заставляет вспомнить об атмосфере, объединявшей многих людей эпохи. Именно это общее, разделявшееся огромным количеством граждан страны – инженеров, шахтеров, ученых, рабочих, литераторов, колхозников, домохозяек, студентов, партийных работников, военнослужащих – отношение к русской истории последних семидесяти лет как к роковой ошибке, изначально обреченному на провал эксперименту, требующему не только формального общественного, но и индивидуального личного *покаяния*, стало через год-другой после появления поэмы доминантным в стране. Носители этой коллективной исторической эмоции подписывались на толстые литературные журналы, публиковавшие все, что было скрыто от читателей в советское время. Это они жадно слушали выступления Сахарова на съезде народных депутатов и с недоверчивой симпатией следили за бунтующим против родной партии первым секретарем Московского горкома Ельциным. Эта эмоция, ощущаемая как моральный императив, а вовсе не талоны на алкоголь, сахар и мыло, вывела на улицы Москвы в январе 1991 года сотни тысяч человек (подчеркнем – это не гипербола, а реальная цифра) на митинг под лозунгом «Не допустим оккупации Литвы!». В итоге именно это массовое серьезное и ответственное отношение к прошлому, настоящему и будущему страны, далекое от постмодернистской иронии, а не только вполне реальное падение цен на нефть и уж вовсе не мифические «план Даллеса» и происки мирового правительства предопределили бесславный и трагикомический исход государственного переворота в августе 1991 года и конец СССР.

Об этом стоит помнить сегодня, когда такой взгляд на советское прошлое оказался вытесненным в публичной сфере натужно-конформистским рассказом о «Великой Победе», оправдывающей и списывающей все жертвы, а финал красной утопии начал представляться результатом досадного недоразумения или происков глубоко законспирированных врагов. Сегодняшнее заблуждение, поддерживаемое государственной пропагандой, – всего лишь временная aberrация, и рано или поздно национальное сознание вернется к необходимости перечитывания опыта XX века в ключе, согласующемся с фактами и реальными семейными историями частных людей, а не с киноподелками, одобренными и спонсируемыми Минкультом, сколько бы цифровых танков и ракет ни мелькало сейчас на телеэкранах.

Поэма Тимура Кибирова представляется нам поэтическим высказыванием, максимально выразившим эмоциональный опыт поколений, которые в зрелом возрасте застали эпоху распада коммунистического проекта. В этом отношении в истории литературы она оказывается зеркальным двойником «Двенадцати». Блок в 1918 году слушал музыку Революции. Кибиров семьдесят лет спустя вслушивался в скрежещущую какофонию распадающегося советского мира, переводя ее на язык русской поэзии конца века.

Форма, к которой обратился Кибиров, – это лирическая поэма, чей размах, по точной формулировке А. Л. Зорина, «определяется не событийной канвой, не поступками действующих лиц, но мощью экспрессивной волны, выдающей в авторе редкий в наши дни лирический темперамент»¹¹. Соответственно, и сюжет поэмы – история Советского Союза – разворачивается не как последовательное сцепление отобранных Кибировым из истории объективно важнейших событий, а как шесть серий (если считать и «Вступление» к поэме) эмфатических авторских перечней-заклинаний, главная задача которых – поиск утраченного советского времени, а также прощанье с ним и суд над ним. То есть сюжет в поэме «Сквозь прощальные слезы» заменяется лирической эмоцией пишущего-говорящего, прямо и демонстративно соот-

¹¹ Зорин: 260–261.

носимого с реальным автором поэмы. Метафора волны выше неслучайна: в одном из интервью Кибиров прямо связал свои ранние тексты большого объема с импровизационностью, стихийной песенной эмоцией, диктующей интонацию и развертывающейся в нанизывании восклицаний:

<...> именно длинные вещи пишутся на одном дыхании. Механика захлеба, инерция ритма – начали и понеслось. Слово за слово цепляется, образ за образ, звук за звук¹².

Еще одна важная особенность поэтического языка поэмы (и вообще текстов Кибирова того времени), связанная с намеренной установкой на спонтанность текста, – поэтика минус-приема, отказа от выполнения «обязательной программы» эпохи. Вообще говоря, хорошая поэзия иногда – то, что целенаправленно и осмысленно нарушает правила «хорошей поэзии», диктуемые вкусами времени. Объектом поэтического отталкивания в поэме «Сквозь прощальные слезы» служит не только пышно цветущая сложность той официальной поэзии поздней советской эпохи, которая определяется именами примерно от Николая Тряпкина до Андрея Вознесенского, но и вкусы поколения, сформированного чтением Иосифа Бродского. Вместо сложных метафорических построений у Кибирова – обнаженное слово в прямом значении, вместо экспериментов с метрикой и графикой – традиционная силлаботоника и череда четверостиший, вместо маниакального пристрастия к точной и/или богатой, но обязательно оригинальной рифме – почти графоманское пренебрежение запретом на рифменную банальность и неуклюжесть. Вообще, пафос снятия запрета на банальное был значим для автора поэмы «Сквозь прощальные слезы», в уже процитированном интервью он вспоминал об этом так:

Я знал и очень не любил советскую поэзию, знал поэзию серебряного века, и когда я столкнулся с Бродским, это было такой головокружительной новизной и доказательством того, что вообще современная поэзия существует. Во многом этот шок был связан с моим тогдашним невежеством. <...> Но поскольку я был все-таки не совсем юноша уже – мне было далеко за 20, – то одновременно с инстинктивным желанием делать то же самое было разумное осознание, что не надо подражать Бродскому. На эту борьбу я довольно много потратил сил и времени. Надеюсь, продуктивно.

<...>

Боюсь, это несколько нескромно будет звучать, но мне кажется, что некоторым поэтам я позволил избавиться от такого застарелого советского и постсоветского страха простоты прямого высказывания. Это же был такой комплекс в конце советской власти у интеллигенции, вообще, главной задачей у поэзии интеллектуальной, псевдоинтеллектуальной было – ни в коем случае не быть похожей на Твардовского. И поэты настолько преуспели в реализации этой задачи, что понять что-либо в тех писаниях до сих пор нельзя. На мой взгляд, это некая рабская зависимость от советской культуры, которая ни к чему хорошему не приводит. И я помог преодолеть эту, как говорил Набоков, «банальную боязнь банального» некоторым людям. Просто своим примером. Когда люди видят, что кто-то десятилетие бесстыдно говорит банальные вещи, и это весело, интересно, то они раскрепощаются¹³.

Едва ли не самым выразительным и неожиданным для читателя следствием спонтанности как сознательного творческого метода Кибирова оказалась постоянная смена в поэме *адресатов* его эмфатических заклинаний: объект обращения может несколько раз смениться

¹² Кибиров 2001.

¹³ Кибиров 2001.

в пределах трех или четырех четверостиший одной главы. Кажется, что остается неизменным лирический субъект – «Я», однако в разных фрагментах поэмы и он представлен то как исторически конкретный автобиографический персонаж (что подчеркивается рядом дейктических конструкций, указывающих на родных и близких героя, место и время действия), то как один из представителей описываемых эпох («белогвардеец», «враг народа»), с которыми отождествляет себя говорящий, то как условный персонаж фикционального повествования (в «Лирической интермедии») ¹⁴.

Построенная на чередовании нанизывания апострофов (риторических обращений к разноприродным персонажам, исторически конкретным и обобщенно-безличным) и разрозненных дескриптивных фрагментов, отсылающих к типовым сюжетам эпохи, как будто лишенная нарративности поэма Кибирова составляет пару с поэмой Блока не только в отношении к истории «нового мира» – оба текста, не покидая литературного поля, имитируют перформативное магическое высказывание, не столько изображая, сколько заклиная реальность.

М. Рутц сопоставила композицию поэмы с пятиактной классической трагедией: революция и Гражданская война (1-я глава); сталинизм (2-я глава); Великая Отечественная (3-я глава); оттепель (4-я глава); застой и перестройка (глава 5-я). Если прибегнуть к менее торжественным аналогиям, композицию поэмы «Сквозь прощальные слезы» можно возвести к испытанному советскому публицистическому и сценическому жанру идеологического монтажа, главная цель которого состояла в победоносном подведении итогов. Прочитируем здесь вступительную врезку к юбилейному ноябрьскому номеру журнала «Огонек» за 1987 год, в котором материалы были смонтированы по чрезвычайно сходному с кибировским принципу:

Семь десятилетий – и каких! – за плечами народа, страны. У каждого – свои немеркнущие черты, свой почерк, своя песня. Они неотделимы от нас, и в любой праздник, тем более такой, как сегодня, мы возвращаемся к ним мысленным взором, чтобы увереннее шагать в завтра. Шесть разных ноябрьских материалов – от десятилетия к десятилетию – выбрали мы для этого номера из огоньковской летописи времени ¹⁵.

То есть в самом построении кибировской поэмы можно увидеть пародию на вымирающий советский жанр, скрещенную с классической трагедией. Интересно, что чуть раньше по похожему пути пошел Венедикт Ерофеев, в первой половине 1985 года написавший круто замешанную на советских штампах «трагедию в пяти актах» «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора».

Мы упомянули мнимую бессюжетность поэмы Кибирова, очевидное доминирование в ней эмоционального начала над повествовательным. Между тем в ней имеется не только очевидная фабула – советская история, разбитая на пять периодов, – но и своего рода сюжетное построение. Концепция кибировской «летописи времени» оказывается отчасти сходной с официальным нарративом «героических десятилетий»: как и в советских учебниках истории, радикальной редукции подвергаются два периода, каждый из которых обнимает примерно по семь лет. Суммарно это – одна пятая советского семидесятилетия: речь идет об эпохе НЭПа и послевоенном сталинизме. Слабые рефлексы широко отраженного в литературе 1920-х гг. разочарования вчерашних коммунаров в итогах революции можно обнаружить лишь в двух стихах I главы («Бились, бились, товарищ, сражались. / Ни бельмеса, мой друг, ни аза»), а 1946–1953 гг. попросту элиминированы, реминисценции текстов этих лет распределены между II и IV главами, при этом ни разу не используются речевые клише того времени, не упоминаются ни «безродные космополиты», ни «вейсманисты-морганисты», ни «врачи-убийцы» ¹⁶ (ср.

¹⁴ О подвижности первого лица в поэме см.: Rutz: 168–173.

¹⁵ Огонек 1987: 2.

¹⁶ Интересно, что как раз этот период предстает как квинтэссенция советского времени в фильме «Хрусталеv,

с обильными в поэме номинативными клише, относящимися к 1920—1930-м гг.). Как нам представляется, это совпадение со стыдливими умолчаниями позднесоветского нарратива – не безмолвное подражание лукавым стратегиям учебников истории и официальных передовиц брежневского времени, но сознательное стремление автора акцентировать внимание читателя на главной повествовательной линии. Построение поэмы Кибирова подобно структуре классической байронической поэмы с ее «вершинной композицией», выхватывающей кульминационные моменты из фабульного потока.

Еще интереснее вопрос о репрезентации в тексте отдельных исторических эпизодов позднесоветской летописи. Почему событие, которое сегодня практически единодушно (и с нашей точки зрения, вполне справедливо) признается апофеозом русской истории послевоенного периода – полет в космос Юрия Гагарина – никак не отразилось в IV главе (если не брать в расчет издевательского вопроса о «сыне», который «в облаках пролетел»)?¹⁷ При том, что в поэме прямо упоминаются не только «Терешкова, и Белка и Стрелка», но и «Союз – Аполлон». Почему в V главе ни слова не сказано об аварии на Чернобыльской АЭС? При том, что глобальный исторический смысл этого события и его глубинная связь с предыдущей советской историей совершенно очевидны автору, как явствует из первой части его «Христологического диптиха» (1986), следующей интонационной матрице мандельштамовского стихотворения «Ветер нам утешенье принес...» (1922) и предсказывающей ряд реминисценций в нашей поэме:

Тускло светит звезда Чернобыль.
В этом свете почудилось мне:
Джугашвили клинок обнажил,
гулко скачет на Бледном Коне.

Ты прости, я, быть может, не прав.
Может, это не правда еще.
Говорят, что, крылом воссияв,
защитит нас небесный Хрущев.

Только это, прости, ерунда!
Вон, любуйся, Хрущев твой летит
в сонме ангелов бездны сюда,
мертвой лысиной страшно блестит!

<...>

Это есть наш единственный бой.
Мы уже проиграли его.
Видишь, Сталин такой молодой.
Нету против него никого¹⁸.

Надеемся, что наш комментарий помогает ответить на эти вопросы: ни триумфальный тон, ни апокалиптическое отчаяние не соответствовали точно зафиксированному поэмой эмо-

машину!» (1998), снятом Алексеем Германом, чьи художественные задачи (поиски утраченного советского времени, опирающиеся на воспроизведение утраченных деталей советского быта) были во многом сходны с задачами автора поэмы «Сквозь прощальные слезы».

¹⁷ И даже здесь речь идет как минимум не только о Гагарине. Ср. наш комментарий [на с. 285](#).

¹⁸ Кибиров 1994: 47.

циональному состоянию советского человека 1987 года, сквозь слезы прощающегося с прошлым и с опасением, но и с надеждой вглядывающегося в будущее.

Раз уж мы заговорили об автоцитатах, встречающихся в поэме «Сквозь прощальные слезы», скажем несколько слов и о той составляющей поэтики Кибирова, на которую невозможно не обратить внимания и которая метафорически описывается исследователями как «цитатные фейерверки»¹⁹ или даже как «цитатная вакханалия, половецкие пляски аллюзий»²⁰. Его стихи насыщены «реминисценциями до того, что кажутся центонами», – резюмировал М. Л. Гаспаров²¹. И он же так говорил о функции центонов в поэме «Сквозь прощальные слезы» и в еще одном длинном кибировском тексте – его послании «Л. С. Рубинштейну»: «<О>писание отходящего советского времени словами и строчками этого самого советского времени, а заодно и досоветского»²². Действительно, во всех главах поэмы и в «Лирической интермедии» плотность цитирования чужих текстов достигает почти центонной. Классические центоны, возникшие в III–IV вв. н. э., первоначально были забавами ученых умников, упражнением на знание старых канонических текстов. Правильное понимание центона предполагало принадлежность читателя к кругу избранных знатоковфилологов. Однако у центонного построения был и другой источник, как нам кажется, непосредственно предсказавший кибировские построения, – пародийные или полупародийные бурлескные сочинения, сплетающие высокое и низкое или комически остранивающие классические тексты. Из примеров, хронологически близких к нам, можно вспомнить популярный школьный центон, чередующий строки стихотворений, неизменно входивших в школьные хрестоматии:

Однажды в студеную зимнюю пору
Сижу за решеткой в темнице сырой.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Вскормленный в неволе орел молодой.

И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
В больших сапогах, в полушубке овчинном
Кровавую пищу клюет под окном.

Гораздо более рискованным был другой школьный центон, где чередовались (не вполне связно, как и в «Песне о Ленине» Кибирова) стихи Некрасова и советского гимна:

Однажды в студеную зимнюю пору
Сплотила навеки великая Русь!
Гляжу, поднимается медленно в гору
Единый, могучий Советский Союз.

И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Сам Ленин великий нам путь озарил.
В больших сапогах, в полушубке овчинном
На труд и на подвиги нас вдохновил.

¹⁹ Безродный: 73.

²⁰ Тименчик: 29.

²¹ Гаспаров 2000а: 312.

²² Гаспаров 2008: 43.

К центонам этого рода близки другие забавы: исполнение классических стихов на мелодии популярных песен (в Тарту в начале 1970-х гг. любили петь «Памяти Демона» Пастернака на мотив сдержанно-бодрой советской песни «Я люблю тебя, жизнь») или песни с подмененными мелодиями (эффект тут тем сильнее, чем значительнее семантическое расстояние между исходными песнями; советские школьники семидесятых-восемидесятых, не помышляя о кощунственном пересмотре итогов Второй мировой войны, с удовольствием пели «В лесу родилась елочка» на мелодию «Вставай, страна огромная» – и наоборот).

Еще одно родственное явление – переделки песен, широко представленные в детском фольклоре. Похожий текст можно обнаружить у Кибирова – это уже упомянутая нами «Песня о Ленине» из цикла «Песня остается с человеком», входящего в книгу «Рождественская песнь квартиранта» (конец 1986 г.). Моделью здесь служат блатные куплеты «Мама, я жулика люблю». Исходный текст представлял собой парадигматическую конструкцию, внутри которой менялись объекты любовного чувства и его мотивировки (жулик «будет воровать, а я буду продавать»; он (летчик) «летает выше крыши, получает больше тыщи»; доктор «делает аборт, посылает на курорты»...). Стихотворение Кибирова трансформирует схему: объект здесь единичен, а в качестве обоснования волшебных свойств Ленина выступает доводящая тему любви до абсурда череда цитат (часто нарочито фрагментарных) из советских и более старых русских песен, неожиданно завершающаяся тремя отсылками к двум каноническим авторам – Тютчеву и Ломоносову (подробно об этом тексте см.: [Чередниченко]).

В поэме «Сквозь прощальные слезы» столь длинного нанизывания цитат на один вертел мы не найдем, но и здесь несколько раз, например, в V главе, используется сходная техника:

Рональд Рейган – весны он цветенье!
Рональд Рейган – победы он клич!

Неслучайно в этих двух стихах издевательски обыгрывается та же «Песня о Ленине» на музыку А. Холминова и слова Ю. Каменецкого, что и в упомянутом чуть выше кибировском стихотворении²³.

«Высокие» центоны рождаются в ситуации, когда стихотворные тексты вообще редки (хотя уже и достаточно многочисленны, чтобы из чужих строчек можно было составить длинную поэму) и ценны; за ними стоит представление о том, что классические сочинения дают готовый материал для высказывания на любую тему. Центоны нового времени – примета перепроизводства текстов разных жанров и разного культурного статуса, превращения текстов из «памятников» в источник языковых речений. Такого рода цитатность, зачастую переходящая в монтаж чужих слов, в России – примета интеллигентского языка XX века. Свободная комбинация фрагментов разноприродных отрывков и широкое применение классических цитат к бытовым обстоятельствам регистрируются многочисленными свидетельствами уже в языке людей Серебряного века и раннесоветской эпохи.

Этот речевой прием традиционно выступал в роли источника комизма. У Кибирова монтаж фрагментов служит и иным целям. Цитаты из текстов одной эпохи, порой сталкивающие разные пласты культуры, создают речевой исторический колорит. Десятилетия советской истории развертываются не через простое повествование о последовательности событий (рефлексы такого нарратива мы находим лишь в последней главе поэмы, где его введение мотивировано автобиографической точкой зрения): эпохи проступают в диалоге цитат, сталкивающихся друг с другом и выглядывающих одна из-под другой. Важными для Кибирова оказываются не

²³ Ср. в исходном тексте Ю. Каменецкого: «Ленин – это весны цветенье. / Ленин – это победы клич» и в первом куплете кибировской «Песни о Ленине»: «Мама, я Ленина люблю! / Мама, я за Ленина пойду! / Ленин – он весны цветенье, / зори новых поколений / – и за это я его люблю!» Подробнее см. в нашем коммент. [на с. 396](#).

столько прямые значения процитированных фрагментов, сколько устойчивый семантический ореол вокруг них, коннотации, связанные с этими цитатами в сознании людей позднесоветского времени.

Создавая поэму, Кибиров едва ли не осознанно черпал в первую очередь из того джентльменского набора цитат (русской поэзии эпохи модернизма, авторов-шестидесятников, советских фильмов и песен, дворовых и блатных романсов и т. д.), которые были общими для *всех* его читателей. А то, что вдруг не было известно тому или иному конкретному читателю, цитируя Марину Цветаеву, точнее говоря, ее мать, – «носились в воздухе» времени²⁴. Кибиров ставил на «своего» читателя, который «все мгновенно улавливает». Такой читатель и автор словно находятся на одной кухне и говорят «на одном языке»²⁵. «Литературным памятником языковому мышлению тех, кому от 25 до 40» назвал кибировские тексты второй половины 1980-х годов А. Н. Архангельский²⁶. «<Ц>итатная техника Кибирова доведена до естественности владения родным языком – он сыплет цитатами, как поговорками или скорее как частушками», – подчеркивал замечательный филолог Е. А. Тоддес в заметке, представлявшей собой переработанный текст литературоведческой экспертизы, призванной защитить редактора рижской газеты «Атмода» Алексея Григорьева от судебного преследования²⁷. Это преследование началось после того, как в номере «Атмоды» от 21 августа 1989 года были напечатаны отрывки из кибировского послания «Л. С. Рубинштейну», в которых использовалась ненормативная лексика. Е. А. Тоддес тогда писал: «<...> перед нами <...> та разновидность лирического дара, которая не признает различий между поэзией герметической и всем открытой, интимноличной и социально ориентированной, „высокой“ и „низкой“, между балагурством частушки и утонченной духовностью, – ибо поэтическое слово живет всюду и всюду растет стих. В другом <...> отношении Кибиров тоже „поверх барьеров“: прошлое и настоящее поэзии для него единый поток, отнюдь не раздвоенный на классику и модернизм или традицию и современность. Космос *всей* предшествующей русской поэзии и хаос сегодняшней речи в равной степени дороги и нужны ему»²⁸.

Поэт Мирослав Немиров, размышляя о феномене Кибирова, сформулировал сходную с Архангельским и Тоддесом мысль следующим образом: «...всякий советский и послесоветский человек разговаривает наполовину цитатами из фильмов, песен, анекдотов, стихов школьной программы, теперь еще и рекламы»²⁹. Немиров, как нам кажется, в данном случае и прав, и неправ. Неправ он, когда уравнивает «советского» человека и «послесоветского». И дело здесь, может быть, не столько в том, что джентльменский набор цитат в сознании современного российского человека радикально обновился, сколько в том, что сегодня весьма проблематично само существование такого общего для всех джентльменского набора. Многообразие предлагаемых современному человеку источников информации, наряду с очевидной, на наш взгляд, маргинализацией литературной культуры в современном российском обществе, привели к распаду единого читательского сообщества. Проще и конкретнее говоря, дело не в новом наборе стихов в школьной программе, а в том, что этого набора больше не существует, или же – стихи из этого набора больше никто наизусть всерьез не учит. Это соображение касается не только высокой, но и массовой культуры: несмотря на исключительную и во многом уникальную популярность советских песен в современной России, репертуар их значительно

²⁴ «...„Мама, что такое Наполеон?“ – „Как? Ты не знаешь, что такое Наполеон?“ – „Нет, мне никто не сказал.“ – „Да ведь это же – в воздухе носится!“» (Цветаева 2: 83).

²⁵ Кибиров 2005.

²⁶ Архангельский 2008: 36–37.

²⁷ Тоддес: 70. В роли экспертов выступили тогда также М. Л. Гаспаров и А. А. Илюшин. См.: Золотоносов: 35–36.

²⁸ Тоддес: 67.

²⁹ Немиров.

беднее активной (а тем более пассивной) памяти людей конца 1980-х гг. (не говоря о том, что автор поэмы проявляет порой знание достаточно редких песен, забытых уже в то время).

Таким положением вещей во многом и объясняется наше желание написать эту книгу. Мы хотели не только напомнить читателю о том взгляде вменяемого человека на историю Советского Союза, который в итоге поспособствовал установлению в России (пусть и всего лишь на одно десятилетие) режима, способного к относительному самоусовершенствованию и общественному (более или менее успешному) сопротивлению грубой непросвещенной силе, но и попытаться вернуть в культурный обиход прекрасный поэтический текст, чьи злободневно самые сильные стороны со временем обернулись самыми уязвимыми. Насколько это оказалось в наших силах, мы попробовали объяснить те цитаты, коннотации, намеки, шутки и воспоминания, которые были сиюминутно понятными для почти любого советского интеллигента середины – конца 1980-х годов, однако уже выветрились из «воздуха» стремительно изменившегося времени и из памяти людей. Двоим из соавторов этой книги (Р. Лейбову и О. Лекманову) было чуть легче, поскольку они жили в то время и им приходилось лишь включать личные воспоминания, одновременно отключая последующие наслоения памяти и свои сегодняшние представления о событиях. Зато третий соавтор – Е. Ступакова – фиксировала те темные зоны поэмы, которые ее старшим коллегам могли показаться прозрачными и не требующими комментария.

* * *

Ссылки на источники, список которых приведен в конце книги, даются в тексте в круглых скобках; при ссылках на многотомные издания том и страница указаны после двоеточия через запятую.

Поскольку поэма «Сквозь прощальные слезы» густо насыщена отсылками к русским и советским песням, мы решили предоставить читателю предлагаемой книги возможность ознакомиться не только с их текстовыми, но и с аудио/видеозаписями.

В подборку музыкальных иллюстраций к комментариям, созданную на основе представленных в сервисе YouTube записей, включены все песенные тексты, так или иначе упомянутые в комментариях (кроме одного случая, когда запись была недоступна). Также в нее входят записи авторского чтения поэмы и примыкающего к ней стихотворения.

По независящим от нас причинам музыкальные иллюстрации составлены исключительно из записей, представленных на сайте youtube.com, которые к моменту окончания работы над книгой находились в открытом доступе. Мы приносим читателям извинения за отсутствие адекватного иллюстративного аудиоматериала, снабженного исчерпывающими источниковедческими справками.

Названия файлов и визуальное сопровождение записей (порой довольно причудливое) целиком лежат на совести их публикаторов, которым мы искренне благодарны за вклад в дело сохранения наследия русской песенной культуры. При составлении подборки мы ориентировались в основном на ранние исполнения песен с соответствующим видеорядом, позволяя себе, однако, некоторые значимые отклонения от этого принципа.

Далее в тексте комментариев ссылки на подборку музыкальных иллюстраций даются в квадратных скобках, номера отсылают к номеру песни в подборке (или в ее полной или краткой архивных копиях, к которым мы бы и рекомендовали читателям обращаться в первую очередь). К сожалению, мы не можем гарантировать долговременной сохранности этой подборки (поскольку входящие в нее записи могут удаляться их создателями или иными лицами).

Подборка доступна по адресу: <https://goo.gl/W9DDPM>

Архивная копия подборки, предназначенная для чтения книги без доступа к интернету, доступна по адресу: <http://www.ruthenia.ru/sps/sps.zip> (zip-архив, 2,93 Гб, файлы в формате mp4).

Краткая архивная копия подборки (без видео) доступна по адресу: <http://www.ruthenia.ru/sps/spsaud.zip> (zip-архив, 643 Мб, файлы в формате mp3).

Каждый процитированный источник сопровождается в книге библиографической ссылкой. В тех единичных и касающихся только песен случаях, когда найти такую ссылку нам не удалось, мы с извинениями отсылаем читателя к только что упомянутому реестру аудио/видео-воспроизведений – эти песенные тексты цитируются в транскрипциях, сделанными нами на слух.

* * *

Мы опирались на опыт осмысления поэмы «Сквозь прощальные слезы», предпринятый в работах: (Генис, Rutz, Syska). Методологически важными стали для нас два уже имеющихся подробных комментария к длинным текстам поэта: (Золотонос³⁰; Кибиров, Фальковский). Ценные соображения о поэтике Кибирова содержат многочисленные научные исследования и критические статьи, среди которых особо выделим следующие: (Айзенберг 1997; Багрецов; Богомоллов; Гандлевский 1994; Зорин; Зубова 1998; Немзер 2001; Нурмухамедова; Тименчик; Тоддес; Чередниченко; Чухонцев). Некоторые из них цитируются в нашей книге прямо, но и все остальные перечисленные выше труды предшественников были для нас важны.

Мы бы хотели выразить сердечную благодарность Тимуру Юрьевичу Кибирову, который не только с веселой и молчаливой доброжелательностью наблюдал за процессом написания этой книги, но и позволил воспроизвести в ней полный и выверенный текст поэмы «Сквозь прощальные слезы» [1], а также ее текст-спутник «Спой мне песню, про все, что угодно...» [2], который, на наш взгляд, следует считать пробным наброском к поэме (еще один текст-спутник поэмы полностью цитируется на [с. 401–402](#) [Здесь и далее номера страниц соответствуют печатному изданию книги.]).

Мы глубоко признательны Михаилу Свердлову, написавшему послесловие к этой книге, а также всем коллегам и друзьям, поделившимся с нами своими соображениями при обсуждении отдельных сюжетов. Особо благодарим А. С. Немзера и А. Л. Осповата, ознакомившихся с рукописью, за многочисленные подсказки и важные замечания, включенные нами в текст.

³⁰ Эта работа, наряду с убедительными наблюдениями и параллелями, содержит многочисленные натяжки и не всегда демонстрирует критическое отношение к откровенно сомнительным источникам; такая недобросовестность прямо граничит с печатной клеветой (Золотонос: 43–44). Ср.: Кибиров 2001.

Литература

Произведения Т. Кибирова

- Время и мы – *Кибиров Т.* Сквозь прощальные слезы // Время и мы. Нью-Йорк, 1988. № 100.
- Кибиров 1991 – *Кибиров Т.* Календарь: Стихи. Владикавказ, 1991.
- Кибиров 1991а – *Кибиров Т.* Сквозь прощальные слезы [фрагменты] // Личное дело №. Литературно-художественный альманах. М., 1991.
- Кибиров 1994 – *Кибиров Т.* Сантименты. Восемь книг. Белгород, 1994.
- Кибиров 2001 – *Кибиров Т.* Кто куда – а я в Россию... М., 2001.
- Кибиров 2002 – *Кибиров Т.* Пироскаф. Стихи // Знамя. 2002. № 6.
- Кибиров 2009 – *Кибиров Т.* Стихи о любви. М., 2009.
- Кибиров 2010 – *Кибиров Т.* Лада, или Радость. Хроника верной и счастливой любви // Знамя. 2010. № 6.
- Кибиров 2014 – *Кибиров Т.* См. выше. М., 2014.
- Кибиров 2017 – *Кибиров Т.* Генерал и его семья // Знамя. 2017. № 1. С. 9—98.

Интервью и беседы с Т. Кибировым

- Кибиров 1998 – *Кибиров Т.* Я не вещаю – я болтаю // Литературное обозрение. 1998. № 1.
- Кибиров 2001 – *Кибиров Т.* Интер(офф)вью 2: Тимур Кибиров. [Ответы на вопросы читателей «Русского журнала»] // Русский журнал. 6 июля 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/netcult/iv_offline/20010706.html
- Кибиров 2005 – *Кибиров Т.* «Писать хорошими рифмами слишком легко» [Интервью А. Мартовицкой] // Газета «Культура». № 6 (7465), 10–16 февр. 2005 г. (Российская национальная премия «Поэт» [Электронный ресурс]. URL: http://poet-premium.ru/laureaty/kibirov_o_001.html).
- Кибиров 2008 – *Кибиров Т.* «Для очень многих я все еще выскочка, мальчишка...» [Интервью А. Кадыровой] // Газета «Вечерняя Казань». № 156. 27.09.08 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1000kzn.ru/article/ru/6912/66/> (дата обращения: 02.05.2019).
- Кибиров 2008а – *Кибиров Т.* «Ностальгия в государственных масштабах» [Интервью К. Шавловского] // Сеанс. 2008. № 35/36 [Электронный ресурс]. URL: <https://seance.ru/n/35—36/vertigo-3536/timur-kibirov-nostalgiya-vgosudarstvennyih-masshtabah/> (дата обращения: 30.09.2018).
- Кибиров 2009а – *Кибиров Т.* «Мы живем в мире, который мы вычитали...» // Нейтральная территория, позиция 201. Полит. ру [Электронный ресурс]. URL: https://polit.ru/article/2009/08/24/videon_nt_kibirov/ (дата обращения: 18.01.2019).
- Кибиров 2009б – *Кибиров Т.* «Образование никогда никому не мешало...» [Интервью С. Дмитренко] // Журнал «Литература». 2009. № 7 [Электронный ресурс]. URL: http://lit.1september.ru/view_article.php?ID=200900710 (дата обращения: 06.03.2019).
- Кибиров 2010а – *Кибиров Т.* «Гениальный поэт Маяковский служил злу». [Интервью Н. Кочетковой] // Известия. 15.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/358449> (дата обращения: 26.04.2019).

Кибиров 2011 – *Кибиров Т.* «Я просто не вижу смысла писать иначе». [Интервью А. Гальпериной] // Православие и мир. 17 октября 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/timur-kibirov-ya-prosto-ne-vizhu-smysla-pisat-inache/>.

Кибиров 2015 – *Кибиров Т.* «В стране же действительно фашизм» [Интервью А. Боровикова] // Colta. 4 сентября 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/8414-v-strane-zhe-deystvitelno-fashizm> (дата обращения: 31.03.2019).

Поэт Тимур Кибиров – Поэт Тимур Кибиров [Интервью В. Шендеровича] // Радио «Свобода». 19.02.2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/379466.html>

Шаповал – *Шаповал С.* Беседы на рубеже тысячелетий. М., 2018.

Источники

XIII съезд ВЛКСМ – XIII съезд ВЛКСМ. 15–18 апреля 1958 г.: Стенографический отчет. М., 1959.

Аджубей – *Аджубей А.* Я был зятем Хрущева. М., 2014.

Айзенберг – *Айзенберг М.* Рассеянная масса. М., 2008.

Аксенов 2001 – *Аксенов В.* Затоваренная бочкотара. М., 2001.

Аксенов 2012 – *Аксенов В.* Коллеги. М., 2012.

Александрова – *Александрова З.* Гибель Чапаева. М., 1985.

Алешковский – *Алешковский Юз.* Собр. соч.: в 3 т. М., 1996.

Андрей Белый – *Андрей Белый.* На рубеже двух столетий. М., 1989.

Андрухович – *Андрухович Ю.* Рекреації: Романи. Київ, 1997.

Антокольский – *Антокольский П.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1971.

Архангельский 1929 – *Архангельский А.* Пародии. М., 1929.

Асадов – *Асадов Э.* Полн. собр. стихотворений в одном томе. М., 2015.

Ахмадулина – *Ахмадулина Б.* Сочинения: в 3 т. Т. 1. М., 1997.

Ахматова – *Ахматова А.* Собр. соч.: в 6 т. М., 1998–2002.

Багрицкий – *Багрицкий Э.* Однотомник. М., 1934.

Бальмонт – *Бальмонт К.* Стихотворения. М., 1990.

Барто – *Барто А.* Избранные стихи. М., 1999.

Безыменский – *Безыменский А.* Вокруг мяча: Альбом дружеских шаржей и эпиграмм. М., 1947.

Беляев – *Беляев В.* Старая крепость. В 2 т. Т. 2. М., 1963.

Берггольц – *Берггольц О.* Ленинградская поэма. Л., 1942.

Берия – *Берия Л.* Сталин. Миссия НКВД. М., 2012.

Бетховен – *Бетховен Л.* Песни для детей и юношества. М., 1979.

Библиотека – Министерство торговли СССР. Приказ от 14 августа 1980 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10432.htm

Блок – *Блок А.* Собр. соч.: в 8 т. М.—Л., 1960–1963.

Бочаров – *Бочаров Д.* Ара Бабаджанян: «Мой отец и Муслим Магомаев не обращали внимания на национальность» // Газета «Культура». 2016. № 2 (7988). 22–28 января.

Бродский 1993 – *Бродский И.* Избранное. М., 1993.

Бродский 2000 – *Бродский И.* Книга интервью. М., 2000.

Брюсов – *Брюсов В.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 1973.

Булгаков 1966 – *Булгаков М.* Мастер и Маргарита // Москва. 1966. № 11.

Булгаков 2015 – *Булгаков М.* Белая гвардия. М., 2015.

Бунин – *Бунин И.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 2006.

- Великий Октябрь – Пробужденные Великим Октябрем: сборник очерков и воспоминаний. Ташкент, 1961.
- Веселый – *Веселый А.* Россия, кровью умытая. Гуляй, Волга. М., 1970.
- Вестник – Вестник Академии наук СССР. 1961. № 8 (авг.).
- Визбор 1986 – *Визбор Ю.* Я сердце оставил в синих горах: стихи, песни, проза. М., 1986.
- Визбор 1999 – *Визбор Ю.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1999.
- Вихорев – *Вихорев В.* В океане времени: песни, стихи, проза, рисунки. СПб., 2005.
- Вознесенский 1970 – *Вознесенский А.* Тень звука. М., 1970.
- Вознесенский 1987 – *Вознесенский А.* Ров: Стихи, проза. М., 1987.
- Вознесенский 1998 – *Вознесенский А.* На виртуальном ветру. М., 1998.
- Вознесенский 2001 — *Вознесенский А.* 40 лирических отступлений из поэмы «Треугольная груша». М., 2001.
- Вознесенский 2015 – *Вознесенский А.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. СПб., 2015.
- Волков 1998 – *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998.
- Волков 2018 – *Волков С.* Диалоги с Евгением Евтушенко. М., 2018.
- Вольная русская поэзия – Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: Сборник стихотворений. М., 1975.
- Восьмой съезд... – Восьмой съезд писателей СССР. 24–28 июня 1986 г.: Стенографический отчет. М., 1988.
- Высоцкий – *Высоцкий В.* Собр. соч.: в 4 кн. М., 1997.
- Вяземский – *Вяземский П.* Стихотворения. Л., 1986.
- Галич – *Галич А.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2006.
- Гандлевский – *Гандлевский С.* Ржавчина и желтизна. М., 2017.
- Гейне – *Гейне Г.* Стихотворения. Поэмы. М., 1982.
- Герман – *Герман М.* Сложное прошедшее. СПб., 2000.
- Гиппиус – *Гиппиус З.* Стихотворения. СПб., 1999.
- Глинка – *Глинка Ф.* Избранные произведения. Л., 1957.
- Гоголь 1963 – *Гоголь Н.* Тарас Бульба. М., 1963.
- Гоголь – *Гоголь Н.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М., 1937–1952.
- Гоголь 2003 – *Гоголь Н.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. М., 2003.
- Горбачев – Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР. 2–3 ноября 1987 года: Стенографический отчет. М., 1988.
- Горький – *Горький М.* Собр. соч.: в 16 т. Т. 15. М., 1979.
- Грибачев – *Грибачев Н.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М., 1971.
- Грибоедов – *Грибоедов А.* Горе от ума. М., 1987.
- Гроссман – *Гроссман В.* Собр. соч.: в 4 т. [Т. 2]. М., 1998.
- Губерман – *Губерман И.* <Избранное> Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 17. М., 2001.
- Гуголев – *Гуголев Ю.* Мы – другой. М., 2019.
- Гудериан – *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1999.
- Гулиа – *Гулиа Д.* Стихотворения и поэмы. Л., 1974.
- Давыдов – *Давыдов Д.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1994.
- Державин – *Державин Г.* Стихотворения. Л., 1957.
- Джамбул – *Джамбул.* Песни и поэмы. М., 1938.
- Доброхотов, Комаровский – *Доброхотов Л., Комаровский В.* Идеологическое противоборство. М., 1988.
- Довлатов – *Довлатов С.* Соло на ундервуде и другие сюжеты. СПб., 2014.
- Дудин – *Дудин М.* Стихотворения. Поэмы. Л., 1970.

- Дьяков – *Дьяков П.* В боях за Молдавию. Т. 2. Кишинев, 1968.
Евтушенко 1959 – *Евтушенко Е.* Стихи разных лет. М., 1959.
Евтушенко 1989 – *Евтушенко Е.* Граждане, послушайте меня... Стихотворения и поэмы. М., 1989.
Евтушенко – *Евтушенко Е.* Собрание сочинений: в 8 т. М., 1997–2012.
Егоров – *Егоров В.* Стихи. Поэмы. М., 2013.
Ерофеев – *Ерофеев Вен.* Москва – Петушки. М., 2001.
Есенин – *Есенин С.* Полн. собр. соч.: в 7 т. М., 1995–2005.
Жигулин – *Жигулин А.* Жизнь, нечаянная радость. М., 1980.
Жуковский – *Жуковский В.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 2. М., 2000.
Журавлева, Некрасов – *Журавлева А., Некрасов В.* Пакет. М., 1996.
Заболоцкий – *Заболоцкий Н.* Собр. соч.: в 3 т. Т.1. М., 1983.
Звонков – *Звонков В.* Закономерность, а не чудо // Комсомольская правда. 1961. 14 апр.
Иванов Вс. – *Иванов Вс.* 1905 год: роман молодой души. Харбин, 1929.
Иванов Г. – *Иванов Г.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1994.
Игманд – *Игманд А.* «Я одевал Брежнева...» М., 2008.
Избранные сценарии – Избранные сценарии советского кино: в 5 т. Т. 3. М., 1949.
Ильф, Петров – *Ильф И., Петров Е.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М., 1961.
Исаковский – *Исаковский М.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М., 1981.
История ВКП(б) – История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938.
Капитановский – *Капитановский М.* Во всем виноваты «Битлз». М., 2006.
Каретников – *Каретников Н.* Темы с вариациями. М., 1990.
Катаев — *Катаев В.* Сын полка. М., 1947.
Квитко – *Квитко Л.* К солнцу. М., 1948.
Ким – *Ким Ю.* <Избранное> Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 38. М., 2005.
Кобзон – *Кобзон И.* Я песне отдал все сполна. М., 2001.
КОВИЗП 1939 – Книга о вкусной и здоровой пище. М. —Л., 1939.
Коган – *Коган П.* Разрыв-травой, травую-повиликой... М., 2018.
Козьма Прутков – *Козьма Прутков.* Полн. собр. соч. Л., 1965.
Кольцов – *Кольцов М.* Все в порядке // Правда. 1924. 22 апр.
Короленко – *Короленко Псой.* Шлягер века. М., 2003.
Коток – *Коток В.* Наказы избирателей в социалистическом государстве. М., 1967.
Крутиков – *Крутиков Д.* Кудеяров вир: Повести. М., 1928.
Крылов – *Крылов И. А.* Басни. М.—Л., 1956.
Кузмин – *Кузмин М.* Форель разбивает лед / *Кузмин М.* Избранные произведения. Л., 1990.
Кульчицкий – *Кульчицкий М.* Вместо счастья: Стихотворения. Поэмы. Воспоминания о поэте. Харьков, 1991.
Лавренев – *Лавренев Б.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1995.
Лебедев-Кумач – *Лебедев-Кумач В.* Избранное. Стихотворения. Песни. М., 1984.
Левитанский – *Левитанский Ю.* Стихотворения. М., 2005.
Ленин – *Ленин В.* Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1967–1975.
Ленин в творчестве – Ленин в творчестве народов Востока. М. 1930.
Лермонтов – *Лермонтов М.* Собр. соч.: в 4 т. Л., 1979–1981.
Липкин — *Липкин С.* Угль, пылающий огнем // Осип Манделштам и его время. М., 1995.
Лицом к победе – Лицом к победе: Сб. стихотворений. М., 1985.
Лопухин – *Лопухин Ю.* Как умер Ленин: Откровения зрителя Мавзолея. М., 2014.
Лосев – *Лосев Л.* Меандр: Мемуарная проза. М., 2010.
Лунина – *Лунина Л.* Зубы Брежнева // Огонек. 2011. № 21.

Лыхин – *Лыхин К.* Письмо в редакцию // Огонек. 1991. № 14.

Мандельштам 1967 – *Мандельштам О.* Собр. соч.: в 3 т. [Т. 1]. Вашингтон, 1967.

Мандельштам 1995 – *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1995.

Маркс, Энгельс – *Маркс К., Энгельс Ф.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.